

К.А. Бекяшев, Д.К. Бекяшев

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Рассмотрены понятие и правовая природа международной интеграции и международных интеграционных объединений. Делается вывод о существовании двух видов международных интеграционных объединений, исходя из наличия или отсутствия у них международной правосубъектности: международные межправительственные организации и иные формы международных объединений. Сформулированы признаки международных интеграционных объединений и принципы их деятельности.

Ключевые слова: международная интеграция; международные интеграционные объединения; правовой статус; правосубъектность.

Понятие и особенности международной интеграции и международных интеграционных объединений

Международная интеграция в последнее время является предметом изучения не только представителей исторических, политических или экономических наук, но и юридических наук, в особенности международно-правовой. В российской литературе в последнее время активно исследуются различные правовые аспекты международной интеграции, а также создания и деятельности международных интеграционных объединений.

Некоторыми российскими учеными предложены развернутые определения термина «международная интеграция».

Так, Г.М. Вельяминов полагает, что международную интеграцию можно определить как процесс, обеспечиваемый международно-правовыми средствами и направленный на постепенное образование межгосударственного, экономически, а возможно, и политически единого, целостного (*integro*) пространства, ждущего на общем рынке свободного перемещения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы [1. С. 435]. На наш взгляд, данный автор прав в том, что процесс интеграции обеспечивается международно-правовыми средствами; международные интеграционные объединения, ведомые международным публичным правом, постепенно формируют единое целостное пространство (можно сказать, «единое правовое пространство») в соответствующих областях (торговля, инвестиции, услуги, миграция рабочей силы и т.д.).

По мнению Ю.С. Безбородова, интеграцию следует рассматривать как направляемый государствами процесс, ведущий к двоякому результату: создается определенное пространство, в пределах которого действуют единые правовые нормы, регулирующие деятельность граждан и юридических лиц в отношениях между собой и в отношениях с иностранными гражданами и юридическими лицами; создается определенная институциональная система, приспособленная для управления процессом интеграции в данном регионе. По его мнению, «исследование проблемы интеграции в рамках международного права связано с пониманием, осознанием интеграционных процессов, их причин, форм, целей и направлено на то, чтобы выявить в

них общие тенденции, связанные также с причинами, детерминирующими фактами, основными чертами денежного феномена. Применительно к международному праву интеграция представляет собой более высокий уровень взаимодействия между государствами и иными субъектами, когда участники данного процесса отчуждают часть своего суверенитета в пользу наднациональных органов» [2. С. 129]. Международные универсальные или региональные интеграционные объединения данный автор однозначно считает наднациональными, точнее, обладающими надгосударственным характером юридической природы.

Как отмечает Ю.С. Безбородов, международно-правовая интеграция – это процесс объединения правовых систем с помощью международно-правовых средств с целью достижения единообразия правового регулирования, связанный с деятельностью правосоздающих субъектов в международном праве, проходящий на универсальном и региональном уровнях с использованием специфичных правовых методов и в разных формах [3. С. 66]. Далее он уточняет, что одновременно с этим интеграция выступает как процесс усиления взаимозависимости государств, требующий более высокой степени согласованности их воли. Очевидно, что Ю.С. Безбородов рассматривает лишь одну из форм интеграции – международно-правовую и ее составляющие.

По мнению данного автора, исследование проблем интеграции в рамках науки международного права требует понимания, осознания интеграционных процессов (их причин, форм, целей) и направлено на выявление в них общих тенденций, связанных также с причинами, детерминирующими фактами, основными чертами данного феномена. Он считает, что применительно к международному праву интеграция представляет собой более высокий уровень взаимодействия между государствами и иными субъектами, когда участники данного процесса отчуждают часть своего суверенитета в пользу наднациональных органов [3. С. 63–64]. Безусловно, прав Ю.С. Безбородов в том, что необходимо с позиции международного права изучать правовой статус интеграционных объединений и место их в структуре международного права. Без этого невозможно определить, с каким феноменом мы имеем дело. Однако решительно не можем поддержать мнение данного автора относительно того, что суверенные государства передают таким объ-

единениям (часто четко не оформленным, не имеющим даже полноценного учредительного акта) части своего суверенитета.

Ю.С. Безбородов выделяет три теоретических школы, относящихся к проблемам международной интеграции: школу функционализма, школу федерализма и коммуникационную школу. Сторонники функционализма видят в межгосударственном сотрудничестве путь к достижению политической цели – интеграции государств в более широкую общность через постепенное отмирание их суверенитетов. Международная интеграция государств по федералистической модели рассматривается по аналогии с внутренними режимами государств, основанными на принципах федеративного устройства. Приверженцы коммуникационной школы рассматривают процесс интеграции в терминах коммуникационных сетей, передающих сообщения и сигналы, обменивающихся информацией, способствующих выполнению определенных функций и накоплению опыта. Успешная реализация коммуникационной модели интеграции не требует столь широкого набора условий [3. С. 64].

Однако международно-правовая форма интеграции – крайне редкое явление в международных отношениях. Данный автор полагает, что «в чистом виде интеграция в международном праве – это “дети” особых международных организаций, ушедших от методов координации в сторону субординации и интеграции. Это организации с особой наднациональной правовой природой, придающей им некую гибридность... Интегрирующие полномочия по созданию единых интегрированных норм прописываются в учредительных договорах данных организаций. Такими полномочиями наделяются органы организаций, которые могут создавать единые нормы. В результате создается особый наднациональный правопорядок, основанный на интеграции как методе сближения национальных правовых систем» [4. С. 22].

Секретариат Европейской экономической комиссии ООН для Европы и европейской экономической интеграции указывает, что «интеграция происходит тогда, когда формирование консенсуса имеет тенденцию становиться доминирующей характеристикой отношений между участниками такой системы» [5. Р. 4].

Термин «интеграция» можно понимать как процесс и как состояние дел. В первом случае рассматриваются меры, направленные на ликвидацию дискриминации между экономическими единицами, принадлежащими к различным формам дискриминации между национальными экономиками. Д. Бэрри проводит различие между интеграцией, с одной стороны, и сотрудничеством – с другой. Интеграция является более активным, всеобъемлющим явлением. Интеграция предполагает более широкое вмешательство в существующие национальные законы, нежели просто сотрудничество [6. Р. 32]. По мнению этого автора, интеграционное право представляет собой скоординированные усилия по дальнейшему сотрудничеству суверенных государств в целях завершения единства, политического или экономического [6. Р. 31]. Данное

определение кратко, но точно характеризует цель интеграционного права.

Интеграция (лат. *integratio* – объединение, восстановление отдельных частей в единое целое) – наиболее распространенная форма объединения суверенных государств. Субъектами интеграции могут быть международные межправительственные организации, неправительственные организации, ассоциации, транснациональные корпорации, национальные компании и физические лица. Различают внутригосударственную и международную формы интеграции. Наиболее распространенными формами интеграции являются экономические (торговые, валютно-финансовые, таможенные и др.) и политические.

В рамках политической интеграции отдельные страны-участницы могут выступить против ограничения своего суверенитета в решении тех или иных вопросов, а также против расширения сферы компетенции национальных органов. Политическая интеграция на межгосударственном уровне в отдельные моменты приводит к усилению регионализма и обострению международных противоречий, поскольку нередко воспринимается странами, не входящими в интеграционное объединение, как нарушающая их интересы и даже как создающая угрозу их безопасности [7. С. 428]. Примерами этого вида интернационального объединения являются группа пяти государств БРИКС (Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики) и Группа 77.

Некоторые авторы выделяют правовую интеграцию, подразумевая под этим сближение законодательств [8]. Другие утверждают о существовании международной образовательной интеграции, понимая под ней совместную деятельность двух и более государств, направленную, с одной стороны, на устранение препятствий международной образовательной мобильности (мобильности преподавателей, учащихся, программ, образовательных организаций), с другой – на выработку общей образовательной политики [9. С. 26].

По мнению С.Ю. Кашкина, «международная интеграция возникает тогда и только тогда, когда государства ради объединения в экономической или иных сферах добровольно и взаимно идут на ограничение самостоятельности <...> в зависимости от степени интеграции подобное ограничение самостоятельности может быть большим или меньшим, но никогда не влечет за собой утраты государственного суверенитета, по крайней мере де-юре: в противном случае интеграция утратит качество международной. Оставаясь суверенным, государство сохраняет право выйти из общего пространства и, соответственно, в полной мере восстановить контроль на своих границах и вернуться к независимому проведению политики на своей территории» [9. С. 28]. С этим утверждением стоит согласиться, но с оговоркой, что государства все же не идут на ограничение своей самостоятельности, поскольку все решения международных интеграционных объединений принимаются совместно и с учетом мнения каждого государства, при этом самостоятельность их никак не ограничивается.

Как известно, суверенитет предполагает неподчинение государства другим государствам или международным организациям. Представляется в корне неверным утверждение о том, что государство может часть своего суверенитета продать, подарить или отчуждать кому-либо. Вне всякого сомнения, ни одна международная межправительственная организация не может обладать наднациональностью (надгосударственностью), а тем более международные интеграционные объединения, что априори ограничивает или отменяет суверенитет государства, который является незыблемым. Как справедливо отметил И.И. Лукашук, Международный Суд ООН в одном из своих решений определил, что ничто в характере международных организаций не дает оснований рассматривать их как некую форму «сверхгосударства». Организация – орган сотрудничества государств, а не надгосударственная власть [10. С. 29].

Иное дело, когда государство может передавать соответствующим межгосударственным объединениям часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, как это имеет место в ЕС и частично в ЕАЭС. Что касается национальности международных организаций и объединений, то национальности у международных организаций нет и не может быть, поскольку они не обладают суверенитетом (даже частью его) и являются всего лишь вторичными (производными) субъектами международного права, созданными первичными, т.е. государствами.

Также нельзя согласиться с точкой зрения А.А. Дорской и А.А. Дорского о том, что «в рамках международных интеграционных организаций происходит становление новой системы правовых норм – наднационального права» [11. С. 106]. Вне всякого сомнения, существуют лишь две правовые системы: международно-правовая и национальная. Иных нет и быть не может.

Следует отметить, что интеграцию довольно часто путают с таким термином, как «глобализация». Как отмечают авторы одного из изданий Азиатского банка развития, «в отличие от глобализации, интеграция осуществляется по географическому признаку (она чаще всего региональная) и в некоторых случаях по политическому признаку» [12. Р. 4].

Ж. Кембаев подчеркивает, что интеграция осуществляется прежде всего на региональном уровне посредством заключения соответствующих международных региональных соглашений. При этом он выделяет следующие виды таких соглашений: о преференциях в торговле; о зонах свободной торговли; о таможенных союзах; об общем рынке; об экономических союзах; о политических союзах [13. Р. 18–22]. В свою очередь А. Мэттьюз добавляет в этот список также соглашения о валютных союзах, на основании которых происходит принятие единой валюты и единой денежно-кредитной политики [14. Р. 4]. Региональная экономическая интеграция – один из способов достижения государствами своих национальных интересов, но при этом в согласии с другими участниками данного процесса.

Некоторые авторы уверены в наличии интеграционного права как самостоятельной правовой системы.

В частности, С.Ю. Кашкин и А.О. Четвериков считают, что «интеграционное право зарождается в рамках международно-правовой системы и, как минимум, на первых этапах своего существования остается частью международного публичного права, однако в дальнейшем демонстрирует тенденцию к приобретению самостоятельного статуса и, соответственно, к отделению от международного права» [15. С. 129]. По нашему мнению, это суждение не является верным. Бесспорно, интеграционное право зарождается в структуре (а не в рамках) международно-правовой системы на основе ее общепризнанных принципов и норм и функционирует по ее правилам. Поэтому интеграционное право, являясь частью (институтом) международного права, не может отделиться от международного права путем приобретения самостоятельного статуса. Интеграционное право может и должно иметь какие-то отдельные черты. Однако интеграционное право было и остается частью международного публичного права. В противном случае это право должно иметь свой объект, предмет, метод правового регулирования, свои субъекты, принципы и источники. На наш взгляд, ничего подобного нет и быть не может.

Ж.Т. Исхакова полагает, что можно утверждать о формировании системы интеграционного права. По ее мнению, «интеграционное право направлено на сближение и объединение национальных правовых систем в единую правовую систему с использованием правовых средств с целью поддержания целостности и единства» [16. С. 42]. Таким образом, данный автор утверждает о существовании самостоятельной правовой системы, с чем согласиться нельзя.

Я. Тинберген еще в 1954 г. предложил рассматривать интеграцию с позитивной и негативной стороны [17]. Эту идею поддержали многие современные авторы. Негативная интеграция означает устранение препятствий или ограничений для торговли, например, в результате негативной интеграции государство вынуждено изменить свое законодательство или даже свою политику в соответствующей области. Позитивная интеграция требует модификации существующих правил или создания новых правил, с тем чтобы субъекты такой интеграции могли функционировать должным образом. Иногда основные причины негативной или позитивной политики отражены в учредительном акте интеграционного объединения (например, Карибское сообщество (КАРИКОМ), Европейский союз (ЕС) и др.).

Сегодня насчитывается большое количество различных международных интеграционных объединений. По географическому признаку международные интеграционные объединения бывают универсальными и региональными. В настоящее время доминируют региональные объединения, что вполне логично и объяснимо, поскольку между государствами одного региона, как правило, устанавливаются наиболее тесные экономические и политические связи.

В Европе основным таким объединением является Европейский союз, который в настоящее время функционирует в соответствии с Лиссабонским договором 2007/2009 г. Субъектами права ЕС являются физиче-

ские лица, юридические лица, государства, компетентные органы и ЕС в целом. ЕС ставит перед собой четыре цели: политические, социально-экономические и культурные, правоохранные и внешнеполитические [18. С. 437–438].

В Северной Америке центральным объединением является Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА). В январе 1994 г. вступило в силу Соглашение о создании Североамериканской зоны свободной торговли, закрепив подписанное в 1988 г. Соглашение о зоне свободной торговли между США и Канадой. В 2003 г. была создана зона свободной торговли в основном, а с 1 января 2008 г. — окончательно на основе ликвидации сохранившихся таможенных пошлин и количественных ограничений на продукцию между США и Мексикой, между Канадой и Мексикой (в отношениях между США и Канадой устранение торговых барьеров произошло в 1998 г.). Соглашение создало крупнейшую в мире зону свободной торговли, с численностью населения в 444 млн чел. По мнению специалистов, в отличие от ЕС, где инициатива о создании интеграционной группировки исходила от высших органов власти стран-участниц, в Северной Америке интеграция шла снизу вверх, т.е. сотрудничество американских и канадских компаний на микроуровне получило закрепление на межгосударственном уровне [19. С. 94]. Правовой статус НАФТА определен в Соглашении о создании этой организации: она является интеграционным объединением. В данном документе подробно регламентируются вопросы торговли товарами, технические барьеры в торговле; таможенные вопросы; закупки; интеллектуальная собственность; инвестиции и т.д. Важный этап в реформировании НАФТА связан с подписанием 30 ноября 2018 г. в Буэнос-Айресе Соглашения между США, Мексикой и Канадой о пересмотре Соглашения НАФТА. По предложению президента США новый документ назвали Соглашением между США, Мексикой и Канадой, ЮСМКА (аббревиатура — от сокращенного названия государств на английском языке). После вступления в силу этого Соглашения НАФТА официально будет переименована в ЮСМКА [20].

В Южной Америке основным интеграционным объединением является Общий рынок стран Южной Америки (МЕРКОСУР), объединяющий Аргентину, Бразилию, Уругвай, Парагвай, Венесуэлу и Боливию. Структура МЕРКОСУР включает: Совет Общего рынка — высший совещательный орган, состоящий из министров иностранных дел государств-участников; Группу Общего рынка — высший исполнительный орган, призванный исполнять решения, принятые Советом Общего рынка; Комиссию по торговле, содействующую Группе Общего рынка в реализации ее функций. В 2005 г. был подписан Протокол о создании Парламента МЕРКОСУР, который начал свою деятельность в 2007 г., что может интерпретироваться как возможное изменение статуса МЕРКОСУР. Однако, как указывает Н.А. Шебанова, «современные латиноамериканские исследователи не спешат признавать наднациональный характер Парламента МЕРКОСУР, склоняясь больше к тому, что на современном этапе эта структура, как и другие институци-

ональные структуры группировки, носит межправительственный характер» [21. С. 66].

Кроме того, большое значение в Южной Америке имеет Андское сообщество [22]. С юридической точки зрения Андское сообщество представляет собой международную межправительственную организацию, предполагающую интеграцию входящих в нее государств, что во многом схоже с ЕС. Данная организация имеет большой накопленный потенциал интеграции и, без сомнения, является одной из самых динамично развивающихся организаций интеграционного характера [23. С. 105].

В Азиатско-Тихоокеанском регионе наиболее значимым интеграционным объединением является Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС). В настоящее время в этом объединении участвует 21 государство, и в его рамках осуществляется сотрудничество в области региональной торговли и облегчения и либерализации капиталовложений. АТЭС образовано как свободный консультативный форум без какой-либо организационной структуры. АТЭС не имеет своего учредительного договора и не является международной организацией.

В Африке существует большое количество интеграционных объединений, где особое место занимают субрегиональные объединения. Таковыми, в частности, являются Африканская зона свободной торговли (АФТА), Африканский союз (АС), Сообщество развития Юга Африки (САДК), Союз арабского Магриба (САМ), Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС), Экономическое сообщество стран Центральной Африки (ЭКОЦАС) и др. В настоящее время таких объединений насчитывается более 20. Как отмечает Р. Оппонг, конечная цель организации такого количества интеграционных объединений в Африке — создать Африканское экономическое сообщество (АЭС). Чтобы достичь этого, региональные экономические сообщества были признаны Африканским союзом (АС) и получили мандат на развитие с целью объединения в АЭС [24. Р. 5].

В Центральной Америке наиболее известными интеграционными объединениями являются Карибское сообщество (КАРИКОМ), Организация Восточно-карибских государств (ОВКГ) и Центральноамериканский общий рынок (ЦАОР). Целями интеграции в этом регионе являются: сохранение региональной самобытности стран Карибского бассейна; укрепление эффективности суверенитета посредством согласованных региональных действий; повышение экономического процветания путем объединения дефицитных ресурсов и малых экономик; укрепление потенциала внешней политики и безопасности; повышение потенциала для качественного роста тех государств — лидеров, кто будет иметь больше политических возможностей в регионе.

Примером Межрегионального интеграционного объединения является Евразийский экономический союз (ЕАЭС). 24 мая 2014 г. в Астане подписан Договор о ЕАЭС. Его участниками являются: Россия, Беларусь, Казахстан, Армения, Кыргызстан. В статье 1 Договора сказано, что Союз является международной организацией региональной экономической интегра-

ции. Его основной задачей является разработка единой политики, т.е. политики, осуществляемой государствами – членами ЕАЭС в определенных ими сферах, предусмотренных Договором 1914 г. Кроме этого, Союз разрабатывает согласованную и скоординированную политику. В своей практической деятельности государства руководствуются следующими четырьмя свободами: передвижение товаров, передвижение капиталов, передвижение услуг, передвижение рабочей силы.

Правовой статус международных интеграционных объединений

Практически все международные интеграционные объединения являются объединениями государств. Следовательно, они по своей природе являются межправительственными.

Важно отметить, что по своему правовому статусу международные интеграционные объединения могут создаваться как в форме международной межправительственной организации (например, ЕАЭС, ЕС, АС и др.), так и в иной форме (например, БРИКС, АТЭС и др.).

В зависимости от этого объединения либо обладают международной правосубъектностью, либо нет. Вне всякого сомнения, международные интеграционные объединения, созданные в форме международной организации, являются субъектами международного права и обладают всеми необходимыми качествами международной правосубъектности.

В частности, в статье 1 (2) Договора о ЕАЭС 2014 г. закреплено, что Союз обладает международной правосубъектностью. Основными принципами функционирования Союза являются уважение общепризнанных принципов международного права, включая принципы суверенного равенства государств – членов ЕАЭС и их территориальной целостности; уважение особенностей политического устройства государств-членов; обеспечение взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов сторон; соблюдение принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции; функционирование таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов. Только субъекты международного права могут руководствоваться общепризнанными принципами международного права, что подтверждает международную правосубъектность.

Как субъект международного права, ЕАЭС имеет право осуществлять международное сотрудничество с государствами, международными организациями и международными интеграционными объединениями и самостоятельно либо совместно с государствами-членами заключать с ними международные договоры по вопросам, отнесенным к его компетенции. Вопросы заключения международных договоров Союза с третьей стороной определяются международным договором в рамках Союза.

Важнейшая черта правосубъектности ЕАЭС заключается в том, что эта организация имеет свое право. Согласно ст. 6 Договора 2014 г. право ЕАЭС со-

стоит: из Договора о ЕАЭС 2014 г.; международных договоров в рамках Союза; международных договоров Союза с третьей стороной; решений и распоряжений Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии; решений Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета. В соответствии со ст. 20 Договора 2014 г. ЕАЭС имеет свой бюджет, постоянно действующую структуру и штаб-квартиру [25].

В свою очередь, международные интеграционные объединения, созданные в иной, отличной от международной организации форме, не обладают международной правосубъектностью. Например, у них нет одного из главных качеств международной правосубъектности – способности участвовать в создании норм международного права. Один из главных вопросов при определении правосубъектности международных интеграционных объединений следующий: является ли то или иное объединение международной межправительственной организацией или нет?

Безусловно, ярким примером международного интеграционного объединения, не обладающего статусом международной межправительственной организации, является БРИКС. Решение о создании этого объединения было принято в ходе 61-й сессии Генеральной ассамблеи ООН на встрече глав внешнеполитических ведомств четырех государств – Бразилии, Индии, Китая и России. В феврале 2011 г. в это объединение вступила ЮАР.

Страны БРИКС являются основной движущей силой глобального экономического роста в течение последнего десятилетия, и в настоящее время на них приходится почти треть объемов мирового производства. На государства этого объединения приходилось около 27% мирового ВВП (по паритету покупательной способности их национальных валют). Общая численность населения стран БРИКС составляет 2,88 млрд человек (42% от всего мирового населения), пять стран занимают 26% пространства нашей планеты [26]. Экономический потенциал БРИКС подтверждает также тот факт, что, по данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО), сразу три страны БРИКС входят в пятерку крупнейших держав, осуществляющих морское промышленное рыболовство: Китай занимает первое место, Российская Федерация находится на четвертом месте, Индия – на пятом [27. Р. 9]. Таким образом, только три государства БРИКС (Китай, Россия и Индия) добывают больше четверти общемирового улова морских живых ресурсов.

Кроме экономического сотрудничества, как отмечают В.П. Кириленко и Ю.В. Мишальченко, страны БРИКС увеличивают также политическое сотрудничество, являясь уже по своей сути политическим блоком как в рамках ООН, так и в иных международных организациях [28. С. 94]. Следует отметить, что политика БРИКС на ближайшие годы отражена в Декларации Бразилиа от 14 ноября 2019 г., принятой по итогам XI саммита государств – участников этого инте-

грационного объединения. Согласно документу государства – участники БРИКС заявляют о своей приверженности сбалансированному и комплексному обеспечению устойчивого развития в трех областях – экономике, социальной сфере и экологии.

Поскольку к БРИКС в настоящее время приковано значительное внимание на государственном уровне, то исследование его правовой природы является актуальным и представляет несомненный интерес. В правовой литературе высказаны мнения о правовом статусе этого объединения.

В частности, Н.М. Бевеликова считает, что БРИКС на современном этапе – интеграционная структура нового типа, отличающаяся как от региональных объединений, так и от межрегиональной организации. По ее мнению, «БРИКС принципиально отличается от понимания международных организаций в традиционном смысле тем, что юридически не наделяется правоспособностью, функционирует без учредительных актов, не имеет формализованной организационной структуры, не обладает правом принятия юридически обязывающих решений. В его основе не лежит учредительный договор, нет штаб-квартиры, секретариата и др.». Далее Н.М. Бевеликова заключает: «Таким образом, в настоящее время БРИКС можно определить как неформальное межгосударственное объединение, не обладающее правосубъектными и правотворческими свойствами и явными институциональными качествами» [29. С. 32].

Схожую позицию занимает Г.Г. Шинкарецкая, которая отмечает, что «БРИКС соответствует некоторым критериям, выработанным для международных организаций в доктрине и практике международного права. Однако отсутствие таких основополагающих признаков, как постоянные органы и автономность, не позволяют квалифицировать БРИКС как международную организацию» [30. С. 145].

А.Х. Абашидзе, А.М. Солнцев и Е.В. Киселева определяют БРИКС как международную квазиорганизацию [31]. Данное утверждение, безусловно, имеет право на существование и ближе к пониманию статуса этого интеграционного объединения. Примечательно, что некоторые зарубежные авторы прямо говорят о существовании «Права БРИКС» [32].

А.Я. Капустин и Б.Р. Хабриев, рассматривая правовой статус БРИКС, отмечают, что нет никаких оснований предполагать, что БРИКС обладает международной правосубъектностью, поскольку не является международной организацией. Однако в то же время данные авторы указывают, что деятельность БРИКС не ограничивается случайными контактами. Годовой формат саммитов БРИКС, а также встреч и переговоров на других официальных и неправительственных уровнях четко установлен и хорошо развит. В документах, принятых на саммитах, участвующие государства выражают свою приверженность многосторонней дипломатии с центральной ролью ООН в борьбе с глобальными вызовами и угрозами. В связи с этим А.Я. Капустин и Б.Р. Хабриев предлагают рассматривать БРИКС в качестве институционального механизма межгосударственного сотрудничества,

который начинает играть роль одного из ведущих институтов глобального управления [33].

Мы согласны с утверждениями указанных выше авторов. Безусловно, БРИКС не является международной межправительственной организацией, поскольку не соответствует ключевым признакам такой организации: учреждение на основе международного договора, наличие соответствующей организационной структуры, наличие самостоятельных международных прав и обязанностей и др. [34. С. 358–362]. Следовательно, БРИКС не обладает международной правосубъектностью.

Выводы

На основе вышеизложенного можно высказать ряд принципиальных суждений о правовом статусе международных интеграционных объединений.

1. По своему правовому статусу международные интеграционные объединения могут быть как в форме международной межправительственной организации (например, ЕАЭС, ЕС, АС и др.), так и в иной форме (например, БРИКС, АТЭС, НАФТА и др.).

В связи с этим не все международные интеграционные объединения следует отождествлять с межправительственными организациями. Правовой статус межправительственных организаций шире, разнообразнее и четче.

2. В отличие от межправительственных организаций (ЕС, ЕАЭС) иные международные интеграционные объединения не имеют (во всяком случае, большинство из них) своего бюджета, штаб-квартиры, постоянно действующих органов и других признаков межправительственной организации.

3. Международное интеграционное объединение, не являющееся международной организацией (в частности, БРИКС), не может считаться субъектом международного права. Оно не обладает рядом важных качеств правосубъектности. Например, такое объединение не может обязывать своими решениями государств-членов, а тем более не членов; предъявлять от своего имени публично-правовые претензии субъектам международного права; участвовать в международном нормотворчестве; быть субъектом международно-правовой ответственности и др.

6. Если межправительственные организации обладают подразумеваемой компетенцией, вытекающей из толкования их учредительных актов, то иные международные интеграционные объединения *ipso facto* такими полномочиями не обладают. В противном случае они автоматически стали бы полноправными субъектами международного права.

7. Понятие «международное интеграционное объединение» впервые получило свое правовое закрепление в ст. 7 Договора 2014 г. о создании ЕАЭС. Некоторые авторы считают, что таким образом сформировалось международное интеграционное право. Однако понятие этого права и его структуру в правовой литературе обнаружить не удалось. Скорее всего, оно является институтом права международных организаций или, как отмечают в зарубежной литературе,

«международного интеграционного права». Данный вопрос, вне всяких сомнений, требует проведения глубокого правового анализа с теоретической и практической точек зрения.

8. При создании международных интеграционных объединений (как в форме международной организации, так и в ином виде) государства не передают часть своего суверенитета и не теряют его. Все реше-

ния международных интеграционных объединений принимаются совместно и с учетом мнения каждого государства, при этом самостоятельность их никак не ограничивается. Очевидно, что нельзя также говорить о наднациональности (надгосударственности) таких объединений, поскольку это априори ограничивает (или отменяет) суверенитет государства, который является незыблемым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вельяминов Г.М. Международное право: опыты. М.: Статут, 2015. 1008 с.
2. Безбородов Ю.С. Интеграция как международно-правовой метод правовой конвергенции // *Lex russica* (Русский закон). 2017. № 12. С. 124–132.
3. Безбородов Ю.С. Международно-правовая интеграция: подходы к пониманию феномена // *Российский юридический журнал*. 2012. № 1. С. 62–67.
4. Безбородов Ю.С. Методы и формы правовой конвергенции в международном праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 31 с.
5. Funk D. From International Laws to International Economic Community Law // *Case Western Reserve Journal of International Law*. 1971. Vol. 4, is. 1. P. 3–8.
6. Berry D. Caribbean Integration Law. Oxford University Press, 2014. 512 p.
7. Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 11. 766 с.
8. Пименова О.И. Правовая интеграция в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе : сравнительный анализ // *Вестник международных организаций*. 2019. Т. 14, № 1. С. 76–93.
9. Кашкин С.Ю. Понятие международной образовательной интеграции : социальные и правовые аспекты // *Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество*. 2016. Вып. 3. С. 26–28.
10. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть : учебник для студентов юридических факультетов и вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. 432 с.
11. Дорская А.А., Дорский А.А. Международные интеграционные организации и проблема формирования наднационального права // *Юридическая наука*. 2016. № 4. С. 105–110.
12. Regional Cooperation and Integration in a Changing World. Mandaluyong City, Philippines : Asian Development Bank, 2013. 48 p.
13. Kembayev Zh. Legal Aspects of the Regional Integration Processes in the Post-Soviet Area. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2009. 217 p.
14. Matthews A. Regional Integration and Food Security in Developing Countries. Rome : Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2003. 186 p.
15. Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Основы интеграционного права : учеб. пособие / отв. ред. С.Ю. Кашкин. М.: Проспект, 2014. 225 с.
16. Исакова Ж.Т. Система интеграционного права Евразийского экономического союза // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2016. № 2. С. 40–44.
17. Tinbergen J. International Economic Integration. Amsterdam : Elsevier, 1954. 187 p.
18. Международная интеграция и интеграционное право : учеб. для бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры / под общ. ред. В.А. Шамахова, В.П. Кириленко, С.Ю. Кашкина. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2017. 877 с.
19. Вагапова Д.Ф. НАФТА: влияние интеграции на конкурентоспособность стран-членов // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2011. № 10. С. 94–108.
20. Комкова Е.Г. ЮСМКА вместо НАФТА // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63, № 4. С. 50–58.
21. Шебанова Н.А. МЕРКОСУР: Правовые аспекты создания и функционирования новой латиноамериканской интеграции // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2015. № 3. С. 46–67.
22. Залоило М.В., Рафалюк Е.Е., Власова Н.В. Региональные интеграции государств Евразии и Латинской Америки: публично-правовые и частноправовые аспекты. М.: РИОР, 2016. 367 с.
23. Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Правовые модели интеграционных объединений государств Евразии и Латинской Америки // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2017. № 2. С. 103–113.
24. Oppong R. Legal Aspects of Economic Integration in Africa. Cambridge University Press, 2011. 371 p.
25. Бекашев К.А., Моисеев Е.Г. Право Евразийского экономического союза : учеб. пособие. М.: Проспект, 2015. 142 с.
26. History of BRICS (December, 19). 2005. URL: <https://infobrics.org/page/history-of-brics/> (дата обращения: 26.12.2019 г.).
27. The State of World Fisheries and Aquaculture 2018 – Meeting the sustainable development goals. FAO. Rome, 2018. 210 p.
28. Кириленко В.П., Мишальченко Ю.В. Международные экономические и правовые аспекты развития евразийской интеграции в современных геополитических условиях // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2015. № 2. С. 87–95.
29. Бевеликова Н.М. БРИКС: интеграционный формат будущего // *Контур многополярного мира* / под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. 128 с.
30. Шинкаревич Г.Г. Правовой статус БРИКС // *Современное право*. 2015. № 10. С. 140–145.
31. Abashidze A., Solntsev A., Kiseleva E. Legal Status of BRICS and Some Trends of International Cooperation // *Indian Journal of Science and Technology*. 2016. 9 (36). P. 102004.
32. Neuwirth R. «BRICS Law»: An Oxymoron, or from Cooperation, via Consolidation, to Codification? // *BRICS Law Journal*. 2019. 6 (4). P. 6–33.
33. Kapustin A., Khabriev B. Unilateral Sanctions – A Vestige of a Unipolar World: The Conceptualization of the Legal Position of the BRICS Countries // *BRICS Law Journal*. 2019. 6 (4). P. 67–94.
34. Бекашев К.А. Международное публичное право : учеб. М.: Проспект, 2019. 1048 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 14 февраля 2020 г.

The Legal Nature of International Integration Associations

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 199–207.

DOI: 10.17223/15617793/455/27

Kamil A. Bekyashev, Permanent Court of Arbitration (The Hague, Netherlands). E-mail: profbek@mail.ru

Damir K. Bekyashev, MGIMO-University (Moscow, Russian Federation). E-mail: dambek@yandex.ru

Keywords: international integration; international integration associations; legal status; legal personality.

International integration is a process that has been widely developed recently. At the same time, modern integration is impossible without legal support and registration. In this regard, international integration is really interesting for legal science. The aim of the article is to study the international legal nature of integration and analyze the legal status of modern international integration associations. Such associations have a significant role in modern international relations, and problems of their creation and functioning have been widely discussed in Russian legal literature lately. This fact gives rise to various scientific discussions regarding the legal status of these associations. The article considers the concept of international integration and the legal nature of international integration associations. The authors analyze the modern international legal doctrine regarding the presence or absence of supranationalism (supranationality) in some international integration associations and enter into an appropriate scientific discussion on these issues with a number of Russian specialists. It is revealed that, on a geographical basis, international integration associations are universal and regional, with the latter dominating, which has an explanation. The article provides examples of the most important and influential international integration associations in Europe, North, Central and South America, the Asia-Pacific region, Africa, Eurasia. A particular attention is paid to the problems of the presence or absence of an international legal personality in international integration associations. Given the importance of these associations for the Russian Federation, the EAEU title documents are analyzed in detail, as well as features of the legal nature of the BRICS and its decisions. This study is based on an analysis of the international legal framework and the identified areas of activity of international integration associations. At the same time, the scientific works of Russian and foreign researchers on the chosen subject were used. General and specific scientific methods of cognition, including comparative legal and formal legal, are used as a method of research. The analysis of the legal nature of international integration associations by the authors showed that, at present, there are two types of international integration associations, based on the presence or absence of an international legal personality: international intergovernmental organizations and other forms of international associations. The rationale for such a statement is given taking into account the analysis of international legal acts and the practice of implementing decisions of international integration associations. The signs of international integration associations and the principles of their activity are formulated.

REFERENCES

1. Vel'yaminov, G.M. (2015) *Mezhdunarodnoe pravo: opyty* [International Law: Experiments]. Moscow: Statut.
2. Bezborodov, Yu.S. (2017) Integration as International Legal Method for Legal Convergence. *Lex Russica*. 12. pp. 124–132. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2017.133.12.124-132
3. Bezborodov, Yu.S. (2012) Mezhdunarodno-pravovaya integratsiya: podkhody k ponimaniyu fenomena [International Legal Integration: Approaches to Understanding the Phenomenon]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 1. pp. 62–67.
4. Bezborodov, Yu.S. (2019) *Metody i formy pravovoy konvergentsii v mezhdunarodnom prave* [Methods and Forms of Legal Convergence in International Law]. Abstract of Law Dr. Diss. Yekaterinburg.
5. Funk, D. (1971) From International Laws to International Economic Community Law. *Case Western Reserve Journal of International Law*. 4 (1). pp. 3–8.
6. Berry, D. (2014) *Caribbean Integration Law*. Oxford University Press.
7. Osipov, Yu.S. (ed.) (2008) *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Vol. 11. Moscow: BRE.
8. Pimenova, O.I. (2019) Legal Integration in the European Union and the Eurasian Economic Union: Comparative Analysis. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy – International Organisations Research Journal*. 14 (1). pp. 76–93. (In Russian).
9. Kashkin, S.Yu. (2016) Concept of international educational integration: social and legal aspects. *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo – Vestnik of Russian New University. Series: Man and Society*. 3. pp. 26–28. (In Russian).
10. Lukashuk, I.I. (2005) *Mezhdunarodnoe pravo. Obshchaya chast'* [International Law. General Part]. 3rd ed. Moscow: Volters Kluver.
11. Dorskaya, A.A. & Dorskiy, A.A. (2016) Mezhdunarodnye integratsionnye organizatsii i problema formirovaniya nadnatsional'nogo prava [International Integration Organizations and the Problem of the Formation of Supranational Law]. *Yuridicheskaya nauka*. 4. pp. 105–110.
12. Asian Development Bank. (2013) *Regional Cooperation and Integration in a Changing World*. Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank.
13. Kembayev, Zh. (2009) *Legal Aspects of the Regional Integration Processes in the Post-Soviet Area*. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag.
14. Matthews, A. (2003) *Regional Integration and Food Security in Developing Countries*. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations.
15. Kashkin, S.Yu. & Chetverikov, A.O. (2014) *Osnovy integratsionnogo prava* [Fundamentals of Integration Law]. Moscow: Prospekt.
16. Iskhakova, Zh.T. (2016) System Integration of Law of the Eurasian Economic Union. *Evrasiyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika – EURASIAN INTEGRATION: economics, law, politics*. 2. pp. 40–44. (In Russian).
17. Tinbergen, J. (1954) *International Economic Integration*. Amsterdam: Elsevier.
18. Shamakhov, V.A., Kirilenko, V.P. & Kashkin, S.Yu. (eds) (2017) *Mezhdunarodnaya integratsiya i integratsionnoe pravo* [International Integration and Integration Law]. St. Petersburg: IPTs SZIU RANKhiGS.
19. Vagapova, D.F. (2011) NAFTA: vliyanie integratsii na konkurentosposobnost' stran-chlenov [NAFTA: The Impact of Integration on the Competitiveness of Member Countries]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik – Russian Foreign Economic Bulletin*. 10. pp. 94–108.
20. Komkova, E.G. (2019) USMCA Instead of NAFTA. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 63 (4). pp. 50–58. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-50-58
21. Shebanova, N.A. (2015) MERCOSUR: Legal Aspects of the Establishment and Functioning of the New Latin American Integration. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk – Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 3. pp. 46–67. (In Russian).
22. Zaloilo, M.V., Rafalyuk, E.E. & Vlasova, N.V. (2016) *Regional'nye integratsii gosudarstv Evrazii i Latinskoy Ameriki: publichno-pravovye i chastnopravovye aspekty* [Regional Integration of the States of Eurasia and Latin America: Public Law and Private Law Aspects]. Moscow: RIOR.
23. Rafalyuk, E.E., Zaloilo, M.V. & Vlasova, N.V. (2017) Legal Models of Eurasian and Latin-American Integration Associations. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2. pp. 103–113.
24. Oppong, R. (2011) *Legal Aspects of Economic Integration in Africa*. Cambridge University Press.
25. Bekyashev, K.A. & Moiseev, E.G. (2015) *Pravo Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza* [Law of the Eurasian Economic Union]. Moscow: Prospekt.
26. BRICS. (2005) *History of BRICS*. December, 19. [Online] Available from: <https://infobrics.org/page/history-of-brics/>. (Accessed: 26.12.2019).
27. FAO. (2018) *The State of World Fisheries and Aquaculture 2018. Meeting the sustainable development goals*. Rome: FAO.
28. Kirilenko, V.P. & Mishal'chenko, Yu.V. (2015) International Economic and Legal Aspects of Eurasian Integration in Today's Geopolitical Environment. *Evrasiyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika – EURASIAN INTEGRATION: economics, law, politics*. 2. pp. 87–95. (In Russian).

29. Bevelikova, N.M. (2015) BRIKS: integratsionnyy format budushchego [BRICS: Integration Format of the Future]. In: Khabrieva, T.Ya. (ed.) *Kontury mnogopolyarnogo mira* [Outlines of a Multipolar World]. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law Under the Government of the Russian Federation.
30. Shinkaretskaya, G.G. (2015) Pravovoy status BRIKS [The Legal Status of BRICS]. *Sovremennoe pravo*. 10. pp. 140–145.
31. Abashidze, A., Solntsev, A. & Kiseleva, E. (2016) Legal Status of BRICS and Some Trends of International Cooperation. *Indian Journal of Science and Technology*. 9 (36). p. 102004.
32. Neuwirth, R. (2019) “BRICS Law”: An Oxymoron, or from Cooperation, via Consolidation, to Codification? *BRICS Law Journal*. 6 (4). pp. 6–33.
33. Kapustin, A. & Khabriev, B. (2019) Unilateral Sanctions – A Vestige of a Unipolar World: The Conceptualization of the Legal Position of the BRICS Countries. *BRICS Law Journal*. 6 (4). pp. 67–94.
34. Bekyashev, K.A. (2019) *Mezhdunarodnoe publichnoe pravo* [International Public Law]. Moscow: Prospekt.

Received: 14 February 2020